

Победить насилие очень легко: нужно только ограничить свободу. Правда тогда будет убито и современное общество, которое нуждается в насилии для жизни. Насилие очень современно. Это вообще единственная вещь, которая всегда бывает современной. Поэтому смешно бояться насилия. Оно было, есть и будет социальной нормой. Бояться нужно тех, кто сознательно или бессознательно проповедует необходимость «отказа» от насилия. Идеи не-насилия удивительно живучи в современном обществе. Существует даже некоторое насилие не-насилия, маскирующееся в белые одежды непротivления злу силой. В действительности же насилие — как и все, что входит в основание нашего общества, — не является хорошим или плохим. Оно просто есть. Оно не может не быть. Бороться нужно с теми, кто особенно непримиримо критикует насилие. Именно они в действительности могут принести обществу еще больше насилия. Насилие не подлежит критике, оно подлежит пониманию. Следует специально заботиться о понимании насилия. Забота о понимании — как раз та форма насилия, которая обнаруживается в мысли. Мыслить — значит систематически подвергать насилию свою способность понимания. И это наиболее естественная форма насилия для современного человека, который живет в обществе досуга. Современный человек занимается по большей части мышлением. То есть

Мыслить — значит систематически подвергать насилию свою способность понимания. И это наиболее естественная форма насилия для современного человека, который живет в обществе досуга.

постоянно насилует свою способность понимания. Значит, насилие — это признак подлинной человечности. Нашей задачей является хранить возможность насилия, возвращать его в себе. Для этого нужно, прежде всего, не бояться понимать. Страх перед насилием возникает из-за страха понимания. Будем желать понимания, будем требовать понимания, будем стремиться к пониманию — и тогда, среди прочего, для нас станет немного понятнее и насилие. 

Уроки правильного понимания насилия по Ханне Арендт

Предлагаю поставить принципиальный вопрос о статусе и определении «насилия». Я вас уверяю, это необходимо сделать, так как обычно, оперируя понятием «насилие», мы путаем и смешиваем его со смежными понятиями, такими как власть, авторитет, сила и т. д.

Владимир
Селивёрстов

¹ Ханна Арендт (1906-1975) — немецко-американский политический философ. Она родилась в 1906 году в Германии, училась у таких философских гениев, как Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс. Затем, в конечном счёте, эмигрировала в США, где продолжала писать и проводила лекции во многих университетах.

Одним из самых ярких философов, озадаченных пониманием и определением насилия была Ханна Арендт¹. В 1969 выходит её основная работа на эту тему, которая так и называется: «О насилии». Конечно, она находится в тени более известных работ — «Истоки тоталитаризма» (1951) или «О революции» (1962), — тем не менее, работа 1969 года является важным звеном в общей цепи построения её теории.

В работе «О насилии» Арендт разбирает основные проблемы и события в обществе и мире, произошедшие в 1960-е годы. Там мы можем найти непосредственные упоминания холодной войны, гонки вооружений, американской войны во Вьетнаме.

Важным в этой работе является также и то, что в ней задан ярчайший образец того, как может выстраиваться рассуждение философа вообще, и политического или социального философа в частности. Помимо привязки к актуальным, животрепещущим темам, мы находим отсылки к событиям из других эпох. Разумеется, Арендт многократно отсылает нас к Античности, чью общественную организацию она очень уважала и старалась вынести из неё уроки для современного общества.

Анализ природы насилия, представленный в описываемой работе, продолжает оставаться до сих пор актуальным. Если провести хотя бы поверхностный обзор работ, затрагивающих тему насилия, то в них мы обязательно найдём ссылку на Ханну Арендт. Причём не только как на классика, на которого просто не прилично не сослаться, говоря на тему насилия, но и как на актуального мыслителя, заставляющего вдумываться и переосмысливать современную реальность.

Размышления Арендт являются для нас важными урока-

ми понимания природы насилия. И лишь усвоив эти уроки, мы сможем с уверенностью говорить, что тема насилия, заявленная в данном номере журнала, была хоть как-то нами понята.

Парадоксальность насилия

Изменилось ли представление о войне за последние двести лет? Для ответа на этот вопрос необходимо задуматься, как сейчас обществу преподносится «война» и всё, что с ней связано? (Мы пока не касаемся вопросов, разрабатываемых другими авторами, вроде феномена партизана.)

Именно так формулирует для себя задачу Ханна Арендт. Она хочет показать, как через понимание насилия можно прийти к новому пониманию войны. «Техническое совершенствование средств насилия достигло той точки, когда уже ни одна политическая цель не может, по-видимому, соотноситься с их разрушительным потенциалом или оправдывать реальное использование этих средств в вооружённом конфликте»².

Немыслимо в современной ситуации продолжать объяснять рациональными средствами проявления и акты насилия. Тезис Арендт о парадоксальности насилия как раз и заключается в том, что мы, по сути, пытаемся рационализировать иррациональное. Может, Арендт далеко не первая, кто приходит к такому парадоксу в его общем понимании. Но применительно к анализу трактовки насилия в современной ситуации этот парадокс не выглядит так уж банально. Мы можем заострить формулировку. Например, как могут рационально мыслящие люди принимать и поддерживать политику ядерного уничтожения, которая является абсолютно иррациональной? Арендт на страницах своей книги подмечает, что даже вся аргументация, поддерживающая практики использования оружия массового уничтожения, страдает столь очевидными логическими проколами, что смешно и странно, почему люди этого не осознают.

Научные разработки технологий уничтожения обнажают абсолютную абсурдность основных положений теории «справедливой войны» и других теорий, оправдывающих насилие в современном мире.

В какой-то момент, говоря о степени мощности средств насилия, Арендт всё-таки вносит поправку в своё определение войны. Война возможна, с её точки зрения, в том случае, если в конфликте участвуют страны с неразвитым техниче-

ским оснащением, т. е. не имеющие в своём арсенале ядерного или биологического оружия. Иначе говоря, локальный вооружённый конфликт между двумя слабо развитыми странами без вмешательства супердержав может претендовать на то, чтобы называться войной в её традиционном понимании.

«Техническое совершенствование средств насилия достигло той точки, когда уже ни одна политическая цель не может, по-видимому, соотноситься с их разрушительным потенциалом или оправдывать реальное использование этих средств в вооружённом конфликте»

Усложнение аргументов, выдвигаемых государственными деятелями, учёными или некоторыми мыслителями в пользу развития средств насилия (гонка вооружений) лишь скрывает от нас клубок логических противоречий. Вызывает опасение тот факт, что такого рода псевдонаучные теории, поддерживающие насилие и войну, принимаются за научные, и люди не подвергают их критике.

Парадоксы насилия призваны продемонстрировать в первую очередь то, что существует явное непонимание природы этого явления.

В следующем разделе мы более подробно поговорим о проблематике различения власти и насилия. Чтобы совершить плавный переход к следующему уроку, я позволю себе привести пример Арендт, иллюстрирующий, к каким последствиям может привести искажённое понимание неоднозначной природы насилия и его парадоксов.

«Там, где насилие больше не поддерживается и не ограничивается властью, происходит переворот в понимании целей и средств. Средства, а именно средства уничтожения, теперь определяют цель. Одним из последствий этого станет то, что целью будет объявлено уничтожение власти»³.

³ Там же, р. 54.

⁴ Карл Шмитт (1888-1985) — немецкий политический философ. Разработал оригинальную теорию политического. Специфика метода Шмитта состоит в том, что он не только констатирует тотальный кризис внутригосударственных отношений, но и выстраивает методологию оживления политического. Такая точка зрения была отражена в его ставших уже классическими трудах: «Понятие политического», «Политическая теология», «Номос земли». Также в работе «Теория партизана» он рассказывает о новых отношениях, возникших в период современных войн и связанных с появлением нового участника военных конфликтов, партизана. Эти отношения полностью меняют представление о войне, и насилии, поскольку появляется новая сила, не следующая классической логике ведения военных действий.

² Arendt H. On Violence. New York: Harvest, 1970, p. 3.

Насилие и власть

Во введении мы уже отметили, что проблема насилия остаётся до сих пор актуальной. Я бы сказал, всё актуальней и актуальней. Благодаря развитию технологий средства насилия стали способны многократно увеличивать силу индивида. Как пишет Карл Шмитт⁴, «власть современных средств уничтожения настолько же превышает силы человеческих индивидов, которые изобретают и применяют эти средства, насколько возможности современных машин и процессов превышают силы человеческих мускулов и мозга»⁵. Он в своих размышлениях подводит нас к тому, что отношения власти в обществе многократно усложнились после введения технических средств, опосредующих деятельность людей и групп людей.

Несмотря на то, что данная цитата была близка и к позиции Арендт в оценке развития средств насилия, с её точки зрения, роль этих средств — далеко не решающая. По мнению Арендт, раньше насилие понималось как наиболее ужасное и крайнее проявление власти, её манифестация. Здесь вспоминается и Клаузевиц⁶, считавший, что насилие (война) есть продолжение политики иными средствами.

В работе «О насилии» Арендт пишет, что насилие и власть всеми рассматриваются как взаимоопределяющие явления. Причём такую точку зрения разделяют и левые, и правые. В своём выступлении перед студентами Колумбийского университета в 1968 году она выделяет две позиции по поводу соотношения власти и насилия. Вышеупомянутое мнение, согласно которому насилие является радикальным проявлением власти, принадлежит левым теоретикам. Правые же считают, что позади любой власти стоит насилие. Они призывают быть реалистичными: любая власть основывается на насилии или является его проявлением.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что, в общем, до Арендт имел место редукционизм власти и насилия, как взаимозависимых явлений.

Своим анализом природы отношений между властью и насилием в обществе Арендт вступает в дискуссию с традицией левой мысли. Она пишет, что отождествление «политической власти с организацией насилия имеет смысл, толь-

⁵ Шмитт К. Разговор о власти и о доступе к властителю. // Социологическое обозрение. Том 6. № 2. 2007, стр. 36.

⁶ Карл фон Клаузевиц (1780-1831) — прусский офицер и военный теоретик, участник войн с Наполеоном. Главный труд всей его жизни — «О войне» был посвящён осмыслению феномену войны с философских позиций. Что интересно, с 1812 по 1815 Клаузевиц находился на русской службе и даже был удостоен нескольких военных наград.

⁷ Arendt H. On Violence. New York: Harvest, 1970, p.36.

⁸ Там же, p.50.

ко если мы следуем марксовскому определению государства как инструмента угнетения в руках правящего класса»⁷.

Арендт стремится показать, что такое понимание, пропагандируемое левыми мыслителями, приводит к интенсивному развитию технологий средств уничтожения. Ведь подобные идеи активно воплощаются современными государствами. При этом, она продолжает надеяться, что старым убеждениям по поводу власти и насилия не будет места в мире после Второй Мировой Войны. Конечно, эти теории не могут исчезнуть полностью. Энгельсовское определение насилия как ускорителя развития экономики вряд ли будет так легко отвергнуто, также как и вера Мао Цзэдуна в то, что винтовка рождает власть — они надолго останутся актуальными для революционеров разных мастей.

Многие наши размышления и определения зависят от того, как мы определяем государство. Будет ли исчезновение насилия в отношениях между государствами означать конец власти?

Арендт заявляет о том, что «не существовало ни одного правительства, основанного исключительно на средствах насилия»⁸. Причиной этому является то, что в отношениях между насилием и властью существует господство власти

Власть не нуждается в оправдании, но нуждается в легитимности. Насилие же способно уничтожить власть, но не способно её создать.

над насилием. Правительства нуждаются во власти, чтобы существовать. Но при этом им совсем не обязательно прибегать к насилию.

Власть не нуждается в оправдании, но нуждается в легитимности. Насилие же способно уничтожить власть, но не способно её создать. Власть и насилие не только не совместимы, но и противоположны по своей сути. Насилие вступает в действие только там, где нет власти или там, где власть ослабевает.

Однако, мы сталкиваемся не только с проблемой различения власти и насилия. Существует и другие понятия, участвующие в определении этих феноменов. Власть, сила, авторитет и насилие — все эти термины могут обозначать отношения, возникающие между одним человеком и другим, между человеком и сообществом, между сообществами. Также они могут обозначать средства, благодаря которым один человек властвует над другим. В этом водовороте

взаимоопределений (власти через авторитет, силу через насилие и т. д.) легко можно запутаться.

Можем ли мы считать, как считали некоторые авторы, что основной формой отношений между людьми являются властные отношения, а авторитет и насилие являются лишь видами этих властных отношений? Для Ханны Арендт такая постановка вопроса не уместна. Тем не менее, возникает вопрос, который и обозначает Арендт: кто правит кем?

Осознавая, что определения могут быть весьма условными, она решает развести эти понятия и найти для каждого своё место. Однако ее разделение сфер применения этих значений вызывает вопрос, почему невозможно переопределить эти понятия по-другому?

В разных сочинениях Арендт присутствуют отдельные исследования почти каждого из упомянутых нами понятий.

Насилие имеет только инструментальный характер, поэтому действует по модели целерационального действия (если использовать веберовскую терминологию) и должно иметь определённую цель, а, следовательно, может быть оправдано.

К примеру, понятия «авторитета». В работе «О насилии» Арендт сводит важную для неё терминологию воедино, чтобы показать, какое место каждый из этих терминов занимает в сфере человеческих отношений.

Арендт понимает власть как способность к коллективным действиям. Власть принадлежит группе и существует до той поры, пока существует эта группа. Она не может принадлежать отдельному человеку, к нему может относиться только сила или могущество (strength). Могущество является характеристикой отдельного человека, его способностей. Даже могущественный человек не может обладать властью. Он способен лишь принимать активное участие в её реализации. Также в его силах осуществлять насилие по отношению к слабым в том случае, если у него есть для этого необходимые средства. «Сила» как «force» употребляется в контексте использования таких словосочетаний как «природная сила» или «сила обстоятельств» для обозначения такой силы, которая возникает в результате действия физических или социальных процессов.

Авторитет основывается на признании превосходства одного человека над другим и необходимости подчинения ему. Он может быть персональным (сын-отец) или относить-

ся к какому-либо институту (авторитет Церкви). При этом подчинение достигается без принуждения или насилия. Если отец начнёт бить своего сына или воспринимать его как равного себе, то у него не будет больше авторитета. Злейшим врагом авторитета является сомнение, опаснейшим выражением которого является смех. К слову, в романе У. Эко «Имя розы» главный злодей, старец Хорхе, потому и стремился уничтожить вторую книгу «Поэтики» Аристотеля, поскольку в ней говорится о комедии, о смехе. Именно в смехе Хорхе видел опасность для религии, ибо смех убивает страх. С другой стороны, говорит ли Хорхе об авторитете или здесь имеет место традиционное понимание власти, как господства и подчинения? Не случайно он говорит также, что без страха перед дьяволом нет никакой нужды в Боге.

Насилие, по Арендт, выделяется благодаря своей инструментальной природе. «Феноменологически, оно близко к пониманию могущества (strength), так как средства насилия, как и все прочие инструменты, изготавливаются и используются в целях преумножения природного могущества до тех пор, пока, наконец, на последней стадии их совершенствования, они не заменят эту силу»⁹.

В начале этого раздела мы уже упоминали точку зрения, согласно которой власть основывается на насилии. Существуют такие случаи — как, например, вторжение неприятеля или действия преступников на территории государства, — когда мы можем сказать, что правительство, прикрываясь своими властными полномочиями, являет миру насилие в адрес интервентов или преступников. Арендт в своей работе уделяет такой точке зрения особое внимание. На этот раз она решает не ограничиваться простой критикой и указанием на явные логические погрешности в аргументации, а обращается к конкретной практике — революции. В данном случае, на неё могли повлиять студенческие движения 60-х годов, хотя, кроме того, перед ее глазами прошли многочисленные революции двадцатого века¹⁰.

Если мы будем объяснять всё в терминах насилия, которое, я напомним, выражается в средствах этого насилия, то получится, что мощнейшие средства уничтожения в руках государства должны были бы свести на нет всякие попытки и даже мысли о восстании. Какой смысл сражаться за свои идеалы, не имея никакого оружия, сравнимого с тем, которое находится в руках государства? Почему же тогда мы не можем говорить о том, что число восстаний в последнее время резко уменьшилось? Разве играют какую-нибудь

⁹ Там же, р. 46.

¹⁰ Arendt H. On Revolution. N. Y.: Viking Press, 1965.

роль те самодельные средства вооружения (или насилия, если хотите), которые изготавливаются революционерами для своей борьбы в сравнении с ресурсами государства? Почему все-таки можно говорить хотя бы о временных успехах революционных акций?

Как мы уже говорили, по мнению Арендт, не может существовать государства целиком и полностью основанного на насилии. Но это лишь предположение. Даже сама Арендт допускает разного рода фантастические идеи насчёт того, как возможно такое безвластное правление, основанное исключительно на насилии. Например, если правитель будет обладать армией киборгов или просто компьютерной системой принуждения, то использовать власть в данном случае ему не придётся. Если такая система или эти роботы будут способны сами себя обслуживать без привлечения человеческого фактора, то аппарат насилия будет работать безотказно. И всё же, даже миллионы рабов находятся во власти тирана или деспота¹¹.

В качестве иллюстрации противопоставления власти и насилия Арендт приводит войну во Вьетнаме: «Мы видели во Вьетнаме, как неимоверное превосходство в средствах насилия оказалось беспомощно, столкнувшись с плохо оснащённым, но хорошо организованным противником, который, благодаря этому, обладал куда большей властью»¹².

Гипотеза Арендт наглядно реализована в фильме Оливера Стоуна «Взвод» или в знаменитой картине Ф. Ф. Coppola «Апокалипсис сегодня», где показано, как активное использование средств насилия фактически уничтожает всякую власть, также как и мораль. Власть является основой и сущностью государственного устройства. Насилие ни в коем случае не должно даже претендовать на это. Оно имеет только инструментальный характер, поэтому действует по модели целерационального действия (если использовать веберовскую терминологию) и должно иметь определённую цель, а, следовательно, может быть оправдано. Война тоже может иметь цель: победу или перемирие.

Власть не нуждается в том, чтобы её оправдывали, поскольку у неё нет цели. По крайней мере, можно согласиться, что конкретной, сиюминутной цели у неё нет. Арендт не готова пуститься в утопические измышления о предназначении государства и власти. Власть, как воздух, нужна легитимность. Без этого её существование прекращается. Она может перерасти в систему тотального насилия, которому никакая легитимность не нужна.

¹¹ Arendt H. On Violence. New York: Harvest, 1970, p. 51.

¹² Там же, p. 41-42.

Мы можем отметить, что тезис о несоизмеримости насилия и власти с ходом размышлений Арендт всё более усиливается. Если в начале мы говорили о несмещении ключевых категорий, характеризующих общественные отношения, то в конце пришли к такому пониманию власти и насилия, согласно которому никакого компромисса, смешанной формы быть не может. Там где есть власть, нет места насилию, и наоборот.

К чему же мы, в итоге, пришли?

Какие выводы мы можем для себя сделать, основываясь на рассуждениях Арендт? Во-первых, необходимо понимать, чем является насилие, и как оно должно пониматься сейчас. Мы хотя бы должны задаваться этим вопросом и понимать природы парадоксов, связанных с этим понятием. Но если мы готовы принять все имеющиеся ложные оправдания и попытки рационализации насилия, его парадоксальную природу, то понимание это феномена дастся нам куда легче.

Во-вторых, по итогам этих размышлений мы должны сделать некоторые выводы в отношении войны и насилия. Например, понять то, что интерпретация событий Второй Мировой Войны в терминах борьбы чистого добра с чистым злом была бы ложной. Это имеет значение, поскольку все оправдания практикам насилия, которые даются политическими лидерами и идеологами основаны подобного такого рода «искренних» убеждениях.

Арендт соглашается, что практики насилия способны изменить мир и, может быть, иногда даже в лучшую сторону. Но также они способны превратить его в мир, полный ещё большего насилия.

Остается вопросом, как много времени пройдёт до тех пор, пока понимание проблем, связанных с насилием, станет достоянием общества и государства? Положит ли война конец человеку или человек положит конец войне? ❏